

Между

1

Ехал Лёнька Арбузов в автобусе и радовался. “Вот сейчас приеду в лагерь, а там жизнь настоящая начнётся. Дома не то. Дома ты всем обязан. Сделай то, сделай это. Мусор вынеси, посуду помой, бабушке не груби, кошку за хвост не дёргай. А в лагере жизнь настоящая начнётся. Там и кошек можно будет за хвост вдоволь надёргать, и бабушкам грубить – если, конечно, окажутся там бабушки – и валандаться на веранде часами, и мультики смотреть, и загорать, и в речке купаться сколько влезет.”

Он зажмурился. Уйма возможностей, невероятных и необыкновенных. Именно такой представлялась лагерная жизнь.

За окнами пролетал пёстрый берёзовый лес. Стволы скользили один за другим, размазываясь. В глазах рябило.

Он стал смотреть себе на ботинок. Ботинок был новенький, коричневый, тщательно налакированный терпеливыми руками бабушки, которая была почему-то очень грустная, когда провожала внука в дорогу. Ты, говорит, на солнышке-то много не загорай, кожа облезет. Ты, говорит, в речке-то много не купайся – простудишься, ты, говорит, не буянь, кошек не дёргай, девочкам не груби, води себя как воспитанный ребёнок. Чай, семь лет уже исполнилось.

- Так мне вчера исполнилось, - возмутился Лёнька, - это значит, мне шесть с хвостиком.

- Нам всем шесть с хвостиком, - невесело засмеялся отец.

Лёнька не стал спорить и посмотрел на отца хмуро. Это ведь он поднял его ни свет, ни заря. Это ведь он разбудил, заставил вылезти из тёплой кровати. А такие чудесные сны снились! Вот он уже на злодея напрыгивает, вот уже скручивает, вот уже в его честь салюты гремят. А это не салюты – это голос отца гремит:

- Вставай, Лёнька, поедешь!

- А куда это я поеду-то? - соскочил Лёнька испуганный и уставился на папу невыспавшимися глазами.

- В лагерь, - говорит родитель.

- Понятно, - пробормотал Лёнька и обратно в одеяло с головой залез.

Но заснуть не удалось. Буквально через мгновение до сознания дошел точный смысл отцовских слов.

- В лагерь! - восторженно закричал он, подкинул одеяло, вскочил на постели и запрыгал, - а почему вчера не сказал?

“А почему? А когда?” засыпал он папу вопросами.

- Да вот вечером уведомление пришло, а ты уже спал как убитый.

- Без задних ног дрыхнул, - добавила бабушка, - мы уж тебя и будить не стали.

- И правильно, что не стали, - поддакнул Лёнька, - а то бы я устроил вам.

- Лагерь этот непростой, областного значения, - пояснила бабушка, - на местном курорте расположен. Не простой лагерь, а с историей.

- С какой такой историей? - спрашивал Лёнька, ничего не понимая.

Он натягивал голубой носок, старательно прикрывая дырку на пятке от бабушки.

Однако она увидела, заставила снять и принесла целый ворох новой одежды.

- Никуда ты в рваньё не поедешь. Тем более в лагерь с историей.

- Да какая там история? Не томи, бабушка!

- Ему ещё рано, - неуверенно пробормотал отец.

- Ничего не рано, - обиделась бабушка, - семь лет вчера парню исполнилось, должен знать, что в мире-то творится.

- А что там творится? - всплеснул руками Лёнька.

Ну взрослые! Все ходят вокруг да около, а толком ничего не объясняют.

- В годы войны окопались бандиты в той местности, где ныне лагерь расположен. Ох и страшные были бандиты, ох и силища у них была. Никак их вытурить не могли. Сидят себе и постреливают в наших. Знай постреливают и покуривают.

- Так они там до сих пор сидят? - испугался мальчик, - мы придём в лагерь и нас расстреляют, а потом снова курить станут свои проклятые папиросы?!

- Ну чего ты такой глупый, - разозлился отец, - не слушай бабушку наговаривает она.

- Два месяца изверги окапывались. Никого не пушали. Красные командиры провели страшно секретную боевую операцию, в клещи схватили бандитов, со всех сторон окружили извергов, и поймали.

- Откуда ты все это знаешь?! - поразился Лёнька.

- Твоя бабушка была красным командиром, - пошутил папа. - В окопах сидела и план разрабатывала. Ладно, Тамара Тимофеевна, не сердитесь, - тут же спохватился он, заметив в её глазах злые огоньки. - Род у нас такой у Арбузовых весёлый. Шутники мы.

- Ох и дошутитесь вы, - проворчала бабушка, - а Леонид уже дошутился. В первый класс собрался, а читать не умеет и как цифры складывать не знает.

- Ну что вы, Тамара Тимофеевна! Кто же в школу-то профессором ходит. Школа она для того и есть, чтобы научили считать и читать.

- И считать я умею и читать, - возмутился Лёнька, - в школу мне не обязательно ходить. Вот возьму и сразу на работу пойду.

И тут началось со всех сторон.

Да куда ж ты собрался. Да кому ты сдался. И так далее в таком духе, как будто он малыш несмышленный. А он уже давно все понимает лучше многих взрослых и пользу стране принесёт на любом рабочем месте. Особенно за штурвалом корабля. Конечно, сильнее всего он мечтал о космическом корабле, но понимал, что вряд ли его туда допустят. В ракету не всякого возьмут, подготовка нужна. А вот на судне ему самое место. Там приборы несложные. И невесомости там нет, знай себе штурвалом двигай. Влево - и машина влево поплывет, вправо - и она вправо. А если авария произойдёт, всегда можно на шлюпке спасательной уехать, поэтому опасности никакой. Идеальная работа для семилетнего мужчины.

И тут он вспомнил.

- Папа, ты же мне конструктор подарил?

- Подарил, - кивнул отец.

- А чего же я его не собираю? - почесал в затылке Лёнька, - а, точно!

И моментально натянул принесённую бабушкой одежду.

Не любил он новое. Всё такое скрипучее, тесное, неудобные. Он любил поношенные вещи, удобные, приятные. А к новым ещё привыкать нужно.

На кухне ждала железная тарелища с горячим борщом.

- Не чавкай, - сказала бабушка, увидев, что он собирается приступить к поглощению пищи

- Что ты ко мне придираешься, - возмутился Лёнька, - я ещё даже есть не начал, а ты уже.

- А я заранее, - произнесла бабушка и укоризненно на него посмотрела, потому что Лёнька сразу начал громко чавкать.

- Бабуль, - сквозь чавканье спросил он, - как лагерь называется?

- Называется ласково: "Солнышко". Вот и вести себя там нужно тоже ласково. Голубей не гонять, кошек не драть, старшим не грубить, в речке долго не купаться, вожатых слушаться, малышей не обижать.

- Да что он, Тамара Тимофеевна, хулиган что ли? - поинтересовался папа.

- Хулиган не хулиган, а предупредить надо обязательно, кабы чего не выкинул. Вечно вы, Арбузовы, во что-нибудь вляпываетесь.

Эх была бы тут мама, подумал Лёнька, она бы показала бабушке, кто в доме всех главнее. Она бы не дала его в обиду. Только вот уже две недели мама была на гастролях со своим театром. Присылала открытки с морскими видами и пожеланиями не болеть, слушаться бабушку, не дёргать кошек, не обижать малышей. И лишь однажды позвонила, спросила: не обижает ли Лёнька малышей, не дёргает ли кошек за хвост. Голос у неё был весёлый. Хорошо ей там, сердился мальчик, выступает в роли боярыни, платье у неё нарядное, слугами руководит, а мне тут кашу манную с комками подсовывают, и кошки всякие вредные бегают, хвостами вертят как нарочно. Вот захочу и тоже стану боярином, да не дают пока, контролируют они меня, крылья мне подрезают. А вот в лагере...

О, лагерь виделся местом необыкновенный, обетованной свободы. Но сказать, как там будет наверняка, он не мог. Не мог даже предположить, что это за место такое. Потому что никто из его друзей там ещё не побывал. В лагерь берут с семи лет. А им всем кому по шесть, кому по пять, а самой малявке – четыре.

- А там все кровью заляпано, да? - спросил он бабушку.

- Как – кровью? - удивилась она.

- Ну, бандитской.

Бабушка только отмахнулась. А он подумал: хорошо будет, если там кровью все заляпано. Вот возьму я тряпку, все подотру как следует и меня за это к награде представят “самый догадливый мальчик Советского Союза”. За сорок лет никто не додумался кровь стереть от проклятого побоища, а я взял и додумался. Может даже начальником лагеря сделают, размышлял Лёнька, только я не хочу быть начальником, это скучно, наверно, сидеть бумажки писать и кричать на всех. Однажды Лёнька и соседский Димка Селиванов устроили состязания, кто кого перекричит. Лёнька бы, конечно, выиграл, но не выиграл, потому что голос сорвал. Отпаивали его молоком с мёдом. И целую неделю пришлось говорить шепотом. А Селиванов над ним насмехался. В другой раз рупор возьму, решил Лёнька, попрошу на минуточку у дяденьки милиционера, который на перекрёстке стоит.

- Дайте рупор, я одного мальчика наказать хочу.

И он, конечно, даст.

- На, накажи, только вернуть не забудь.

- Да я мигом!

Побегу к Димке, прямо к уху его прислоню широкий конец рупора и как закричу. Тотчас он на колени грохнется и побеждённым себя признает. А может просто взять этот рупор, да как по башке его треснуть?

Ух и чесались у него руки сделать что-нибудь такое, но не стал. Ещё инвалидом сделаю ребёнка, засудят меня, подумал Лёнька. А ведь хороший человек

Селиванов, в садике вместе даже спали на соседних кроватях. Ну, точнее, как спали, переговаривались, пока остальные во время тихого часа дрыхли.

Ехал Лёнька в автобусе, смотрел на свои ботиночки и на узелок смотрел, кривой, кособокий, но всё-таки собственноручно сделанный. Мало кто может похвастаться удивительным умением в шесть с хвостиком лет завязывать шнурки. А он даже в пять научился. Как научился, так никого и не подпускал к ботиночкам. Хотя противные взрослые то и дело порывались его поправлять.

Криво, кособоко, говорила бабушка, дай-кося я. А он на это: фигушки, говорил, я самостоятельный. И не дело, чтобы взрослому мужчине бабушки шнурки завязывали. Я, может, ещё героем страны стану. И что про меня в биографиях напишут? Что бабушка мне шнурки завязывала? Хочешь лакировать – лакируй. Но к шнуркам подступать не смей!

И представлялась ему унизительная фотография, сделанная неведомо где спрятавшимся биографом. Старческие руки, колдующие над непослушным узлом. Эта ужасная фотография будет красоваться на развороте или даже на обложке толстой книги о нём, книги, изданной тиражом десять миллионов экземпляров. В каждом доме она будет, и все увидят его позор.

Мальчик убрал ноги подальше, под лавочку. И понял, что ему становится скучно. Поскучнение происходило поэтапно. Сначала заскучали ноги, и он стал болтать ими, потом заскучал живот, и Лёнька вжал его и напряг, потом заскучали руки, и он забарабанил по стеклу, а потом – это самое мучительное – заскучала голова, а когда скучает голова, в неё постоянно лезет какой-то бред.

“И одолел его бред”, подумал он о самом себе как будто словами какого-то великого писателя. Книг он, конечно, не читал, зато часто видел по телевизору передачи про великих писателей, благородных, седобородых. Они всегда приветливо улыбались и долго-долго о чем-то непонятном беседовали с ведущим, произнося такие странные слова, как перспектива, ретроспекция, структура.

- Структура, структура, структура, - несколько раз повторил Лёнька, стараясь, чтобы слова слились с гулом автобуса.

- Кто дура? - раздался знакомый насмешливый голос, и Машка Сорокина, сидевшая впереди, обернулась и погрозила кулаком.

Ох уж эта Машка. Вечно она его преследует. Не понятно вообще, почему так получилось, что именно она поехала вместе с ним. Все остальные ребята в автобусе были незнакомые. Ну почему не Димка?! Вот бы они с Селивановым повеселились. Или поехал бы с ними маленький Эдик Мишин, который всего боится и постоянно задаёт глупые вопросы. Хотя бы свой человек мужского пола был. А с девчонкой что? Каши с ней не сваришь, как говорит папа.

Она сидела впереди. Белый бант торчал над сидением как загадочный цветок. Хотелось его дернуть. Но Лёнька сдерживался. Ещё успею, думал он, ещё надёргаюсь.

Все остальные были незнакомые и Лёнька даже не представлял, как будет с ним знакомиться. А Машка – выскочка, вдруг снова подумал он, и вспомнил, что, когда они с папой опоздавшие прибежали к месту автобусной стоянке и долго искали нужный транспорт, Машка давно сидела на своем месте и хоть бы даже рукой ему махнула. Вот ведь задавака.

Опоздали они потому что папа, как всегда, документы найти не мог.

- Без мамы он совсем беспомощный, как ребёнок, - говорит бабушка.

- Вот это ребёнок, - смеется Лёнька.

Ведь папа двухметрового роста.

- Куда же я их задевал, - бормотал он, шлёпая себя по карманам.

Мы теперь не успеем, волновался Лёнька, и прощай свобода, и прощай коты. Он тоже суетился, он тоже стонал и вскрикивал, зачем-то открывая в поисках документов крышку от кастрюли.

Впрочем, они нашлись быстро и были они именно там, куда их вчера положил папа, в его кожаном чемоданчике. Прямо перед выходом бабушка вдруг начала вспоминать, что забыла то, забыла се. Забегала по квартире, суя в карманы мальчику то надушенный белый платочек, то мазь от комаров, то мятый рубль на позвонить, то фиалковые леденцы в пакетике.

- А тебе не страшно одному? Не страшно? Первый раз всё-таки. Маленький всё-таки, - причитала она.

- Не страшно и не маленький, - отрезал Лёнька.

И действительно, чего там бояться? Съедят его, что ли? Это раньше он был глупым и лисы боялся, которая в подвале жила, поэтому один на лестницу не выходил. Мама даже дворника вызвала и тот объяснил, что нет в подвале никакой лисы. Там только мышки, а мышки сами всего боятся и укусят только свой собственный хвост могут.

Кроме того, трусов никогда в космонавты не возьмут. Значит, сделал логичный вывод Лёнька, мышь никогда космонавтом не станет.

- Не станет, - подтвердил дворник.

Это хорошо, облегчённо выдохнул мальчик, потому как не дело совсем, если таким сложным устройством, как космический корабль, будет управлять мышь. Как она с метеоритным дождём справится? Да первый же крохотный камешек разобьёт корабль. А если найдётся храбрая мышь, решил мальчик, её все равно нельзя к полётам допускать. Надо общие требования придумать, чтобы, например, с мехом нельзя или с хвостом длинным.

Под причитания бабушки они с папкой выбежали из дома, и, оглянувшись, Лёнька увидел, как в окне третьего этажа торчит бабуса. Она машет и продолжает в форточку выкрикивать полезные советы. Как вести себя при встрече со змеей, и все в таком духе.

- Главное, чтобы моего сына крокодил не укусил, - иронизирует папа, усаживаясь в такси.

У темноволосого коренастого таксиста такой большой нос, каких Лёнька никогда в жизни не видел. И мальчик всю дорогу не сводил с него глаз, хотя и знает, что так беззастенчиво пялиться неприлично. Таксиста, наверное, стало напрягать внимание маленького пассажира, и он сказал, обращаясь к отцу:

- Крокодил нэ страшно. Главное, чтобы вашего ребёнка таксист нэ укусил. Противоядия нэ существует.

Лёнька хотел придумать что-то обидное, но ни единой умной мысли в голову не пришло. Так и ехал, надувшись и отвернувшись.

А потом показалась залитая бетоном площадка, где стояло с десяток разноцветных автобусов. Папа подхватил подмышку Леньку и потащил его, словно дополнительный рюкзак. Уж очень боялся не успеть.

Автобус действительно собрался отходить. Двери захлопнулись, мотор гудел. Машка Сорокина удивлённо смотрела на него из окна.

- Вот наш автобус, - моментально догадался Лёнька.

И папа побежал, размахивая руками.

Его не заметить было сложно. С поднятыми руками он чуть ли не до проводов доставал. Машина остановилась, разочарованно выдохнула и впустила Леньку в странное место, наполненное незнакомыми и подозрительными ребятами. Тучная женщина с ярко накрашенными губами и пышной копной кудрявых волос, ядовито улыбаясь, перебросилась парой слов с отцом, а потом взяла малыша за руку, крепко стиснула ладошку и буквально потащила за собой.

И тут он впервые подумал, что, может быть, не такая уж в лагере и свобода. И даже кошек за хвост подёргать не дадут.

Посадили его на заднее сидение около окна. Никого рядом не было. Этому Лёнька обрадовался. Можно развалиться и поспать. Но прежде чем перейти к выполнению этого намерения, он захотел попрощаться с папой.

Тот как раз стоял под окном и махал и что-то говорил, но слов было не разобрать сквозь толстое стекло.

Лёнька прислонил к стеклу обе ладошки и сплющил нос. Папа ещё раз махнул и стал удаляться.

Сделалось так тоскливо, так тоскливо, что Лёнька – он даже сам от себя такого не ожидал – всхлипнул и застучал кулаками по стеклу. Никто из ребят ничего не сказал. Видимо, понимали его состояние. А пышная тётка, которая сидела на первом сиденье, обернулась и через весь проход закричала:

- А ну-ка прекрати безобразничать!

И он прекратил. Но не потому, что испугался её. Просто вспомнил: ему вчера стукнуло семь, и он должен вести себя как взрослый отныне.

Тоска внезапно прошла и стало очень интересно.

Лёнька принялся вертеть головой, осматривая все вокруг. Заднего стекла не было, вместо него в раму вмонтирована картонка. Ух и прочная, подумал Лёнька и потрогал её. Ух и шершавая.

Сбоку в ней дырочка, в дырочку всё видно: медленно исчезает вдаль город, бесконечные дороги, деревья, домики, спешащие прохожие, собаки, бульвары, тротуары, сады, скверы, статуи. Но, в основном, конечно, деревья. Зелёные-зелёные и высокие, до самого неба.

Кончалось лето, шёл август. Не летал тополинный пух. И не мучила жара. И впервые за всю свою огромную, практически бесконечную, жизнь Лёнька ждал конца летних месяцев. Это раньше он плевался, когда лето уходило. Вместе с ним уходили фонтаны, пляжи и поездки в бабушкину деревню, весёлые игры с Димкой и другими ребятами. И хорошее настроение куда-то тоже почему-то уходило. Начиналась пора слякоти и грязи, промозглой погоды, неясных волнений. И не было той особенный летней безмятежности.

Но это лето должно было закончиться как можно скорее. Лёнька сам торопил приближение конца. Потому что первого сентября он впервые в жизни пойдёт в школу. Новенький портфель с лакированным замочком терпеливо ждал своего часа в кладовке, был наполнен книгами, тетрадями. Лёнька сам подточил карандаши для пенала и сам залил чернильницу. И сам старательно вывел квадратными буквами на дневнике: Леонид Григорьевич Арбузов.

“Леонид” звучало так смешно и странно, словно это был совсем не он, а кто-то другой, взрослый, умудрённый опытом. Возможно, директор или начальник.

Про школу говорили все. Говорили так много, что Лёньке стало казаться, будто он уже прошел через все классы и выпустился подающим надежды отличником. Папа и мама и бабушка в один голос утверждали: там весело, здорово, много новых друзей и новых знаний. Там расскажут о строительстве космических кораблей, об устройстве крокодильего хвоста. О том, как Родина в короткий срок пришла к процветанию и счастью. О загадочном меридиане, о бабочках с блестящими крыльями, о том, как правильно переходить дорогу. Но главное, главное заключалась совсем не в этом. Со стыдом признавался себе Лёнька: не

ради знаний он стремился в школу, а для того, чтобы его приняли в октябрюта. Это была такая большая мечта, какой наверно ни у кого из ребят не было. Лёнька хотел быть не просто Лёнькой, весёлым курносый коротко стриженным малышом – таких много играет на улицах – а настоящим октябрёнком.

Отец часто показывал звёздочку с изображением кудрявого мальчика с добрыми глазами. Лёнька страшно завидовал. Хотя он, конечно, и представить себе не мог, как отец был маленький и ходил с этой звёздочкой на груди. Несмотря на то, что прошло уже много лет, отец хорошо помнил правила октябрют и частенько декламировал их Лёне.

“Октябрюта – дружные ребята, читают и рисуют, играют и поют, весело живут.” И точно, радовался Лёнька, это про меня. Я весело живу, что хочу то и делаю, играю и пою, и дружу со всеми. С мамой дружу, с папой дружу, с бабушкой дружу. Хотя с ребятами дружить не всегда получается. Иной раз подружишься с человеком, а он какую-нибудь подлость сделает, и как с ним после этого дружить? А все равно надо, иначе какой же я будущий октябрёнок.

Знал Лёнька, что мало он требованиям для октябрют соответствует. Но ведь уговаривал он себя, меня пока не приняли, пока ещё даже в школу не взяли. А вот как возьмут, а вот как примут – так сразу соответствовать стану.

Мальчик откинулся на удобную спинку, закрыл глаза и начал размышлять над тем, каким требованиям подходит, а каким не очень.

Первое требование звучало так: “октябрюта – будущие пионеры”.

Ну, это чистая правда. Было бы странно, если бы из октябрёнка вместо пионера сразу комсомолец получился или партиец какой-нибудь. Тут уж хочешь не хочешь, а соответствие стопроцентное.

Второе правило посложнее: “октябрюта – прилежные ребята, любят школу, уважают старших”.

Человек он, конечно, прилежный, это точно. А про школу ещё говорить рано, он ведь даже в неё не ходит. Вот как пойдёт, там и видно будет – любит или не любит. Но, наверно, всё-таки полюбит. Придётся. И старших Лёнька, конечно, уважает. Ведь попробуй их не уважай, себе дороже выйдет.

Впрочем, не всех старших Лёнька уважал. Маму уважал, папу уважал, дядю милиционера уважал. А дворника вот ни капельки не уважал. Да и разве станешь уважать человека, который за тобой по всему двору бегают и уши надрать грозится из-за сущей ерунды. Ну залез на дерево, ну ногами болтал, подумаешь.

А третье правило и вовсе для него неприятное. И гласит оно:

“Только тех, кто любит труд, октябрятами зовут”.

Лёнька труд не любил. Наоборот, всячески от него уклонялся. Он гулять любил, кошек опять же за хвосты дёргать, а вот чтобы в комнате прибрать, маме на кухне помочь, игрушки свои по местам расставить, это было задачей непосильной.

Ведь это, наверно, не настоящий труд, - размышлял Лёнька в автобусе под мерный шелест шин по гладкому асфальту, - настоящий – когда ты родине помогаешь, норму перевыполняешь, в поте лица трудишься на заводе, на далёкой стройке, возводишь плотину, сооружаешь гидроэлектростанцию в отсталой стране. А не дома возишься с игрушечными медведями и зайцами, по коробочкам их расставляя.

И в этом смысле, убеждал себя Лёнька, я, конечно, труженик ещё тот. Просто пока непроявленный. Но под ложечкой всё-таки неприятно сосало.

Четвёртое правило он так и сяк примерял на себя, и все выходило, что для него оно идеально подходит. Ну, кроме одного пункта.

“Октябрята правдивые и смелые, ловкие и умелые.

Он – ловкий. Кто, кроме него, сможет за секундошку залезть на самое высокое дерево во дворе, развесистый дуб?

Он – смелый. Кто, кроме него, не боится соседского пса Полкана, огромную овчарку? Все боятся его, и даже взрослые. А вот он, Лёнька, один не боится. И Полкан даже лапу ему подает, здороваются они так, когда хозяин рядом.

И, конечно, он умелый. На прошлой неделе, случилось, наблюдал, как папа телевизор чинил. То припой подаст, то нужный болтик.

- И в кого ты такой умелый растешь, - удивлялся папа, - я в твоём возрасте и слов-то таких не знал. Припой, транзистор. А ты откуда-то набрался всего.

- Телевизор смотреть надо, - солидно отвечал Лёнька.

А вот правдивым быть сложно. Будешь тут правдивым, когда за правду и схлопотать можно. Вот давеча свежее молоко выпил и на кота свалил. Коту что, ему не сделают ничего, а вот Лёньке ой как попало бы. Значит ложь полезная была, во спасение.

Но безусловно, спохватился мальчик, как примут в октябрята, тут же врать перестану. Пусть лупят как сидорову козу, всю правду буду рассказывать.